УДК 94(470) “1238/1480”

БЫЛА ЛИ РОССИЯ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИМПЕРИЕЙ? ЧАСТЬ 1

Диттмар Шорковиц

доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник
Институт социальной антропологии им. Макса Планка, Берлин, Германия
Email: schorkowitz@eth.mpg.de

Аннотация

Перевод выполнен по изданию Schorkowitz D. (2019). Was Russia a Colonial Empire? In: Schorkowitz D., Chávez J., Schröder I. (eds.) Shifting Forms of Continental Colonialism: Unfinished Struggles and Tensions. Palgrave Macmillan, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-13-9817-9_5. Автор благодарен редакции журнала “Nomadic civilization: historical research” за перевод и приглашение представить свою точку зрения. В тексте сохранена пунктуация переводчика.

Ключевые слова

Россия, Сибирь, колониализм, Калмыцкое ханство, политика

Перевод

Омакаева Элара Уляевна

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»
Элиста, ул. Пушкина, д. 11.
E-mail: elomakaeva@mail.ru

UDC 94(470) “1238/1480”

WAS RUSSIA A COLONIAL EMPIRE? PART 1

Dittmar Schorkowitz

Ph.D., Dr. Phil. Habil., senior researcher

Max Planck Institute for Social Anthropology, Department of Law & Anthropology,
Berlin, Germany

E-mail: schorkowitz@eth.mpg.de

Annotation

The translation has been done from the edition: Schorkowitz D. (2019). Was Russia a Colonial Empire? In: Schorkowitz D., Chávez J., Schröder I. (eds.) Shifting Forms of Continental Colonialism: Unfinished Struggles and Tensions. Palgrave Macmillan, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-13-9817-9_5. The author is grateful to the editor of the journal “Nomadic civilization: historical research” for the translation and the invitation to present his point of view. The translator’s punctuation is retained in the text.

Keywords

Russia, Siberia, colonialism, Kalmyk Khanate, politics

Translation

Ellara U. Omakaeva

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov. Pushkin str., Elista, Russia.

E-mail: elomakaeva@mail.ru

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с риторического вопроса, глава описывает историческую экспансию России в Сибирь, Кавказ и Центральную Азию, подчеркивая особенности континентального колониализма и преемственность колониального контроля с царских до советских времен. Чтобы продемонстрировать, где, когда и как развивался колониализм в России, сначала основное внимание уделяется созданию многочисленных институтов, которые управляли вновь приобретенными территориями и превратили их во внешние или внутренние колонии империи. Затем приводятся рассуждения о колониализме и колонизации, о советском колониализме и деколонизации. Эти вопросы широко обсуждаются среди российских историков, которые иногда признают эксплуатацию нерусских народов, но не ее колониальный характер. В настоящее время утверждается, что ситуация в России скорее неоколониальная, чем постколониальная.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

ОТПРАВНАЯ ТОЧКА

Задолго до того, как Россия стала империей после окончания Великой северной войны против Швеции и Петра Великого (1682–1725), провозгласившего себя императором всея Руси (1721), великие князья и цари Московии были постоянно вовлечены в экспансию на восток после упадка Золотой Орды и вакуума власти, который турко-монгольские правители оставили во многих частях Европы и Азии.

Знаменитое завоевание Иваном IV, первым царем всея Руси (1547–1584 гг.), некогда могущественных Казанского и Астраханского ханств в 1552 и 1556 гг. стало важным переломным моментом в отношениях России с степными империями, приведшим, хотя и не обошлось без сопротивления и дальнейших конфликтов, к подчинению башкир, волжских булгар и других татарских групп (Khodarkovsky, 2002; Sunderland, 2004). Не менее важно, но, возможно, менее известно то, что Иван IV в 1558 г. поручил Строгановым финансово поддержать завоевание Сибири, предоставив купеческой семье монополию на торговлю солью и мехом (Martin, 1986, 1995). Подобно Ост-Индским компаниям того времени, строгановские купцы в течение нескольких лет оплачивали строительство крепостей на сибирских реках, а казакам атамана Ермака в 1582 г. окончательно удалось победить и изгнать Кучума, последнего хана Сибирского ханства, которым веками правили династии Чингисидов, Шейбанидов и Тайбугидов (Frank A., 1994; Forsyth, 1998: 25–27).

С тех пор Россия «расширила свой собственный путь континентальной колонизации в сторону Азии» (Hildermeier, 2013: 38), непрерывно продвигаясь в Южную и Восточную Сибирь, построив форты в Охотске на Тихоокеанском побережье в 1649 г. и в Иркутске на Байкале в 1652 г.

Само собой разумеется, что земля, отобранная во имя царя, вопреки официальному языку, не была *terra nullius*, а была заселена – хотя и редко – коренными народами, которые теперь периодически сталкивались с расширяющимися казачьими отрядами (Collins, 1991; см. Kivelson, 2007: 26-27, 35). Интересно, что, несмотря

на ожидания Строгановых получить землю, захват которой они профинансировали, казаки, следуя иной программе и желая большего признания со стороны царя, заключали все соглашения с новыми подданными от имени царя – абсолютного и самодержавного монарха, который, таким образом, получил власть над новыми налогоплательщиками и огромными землями.

Развивая колониальную практику московитов по присвоению сибирских земель, Валери Кивельсон недавно подчеркнула «глубокую и последовательную приверженность тем видам юридических и политических претензий, которые действовали в России в то время» (2007: 23). Таким образом, завоевание Сибири было вызвано не столько частными интересами, как можно было бы предположить на первый взгляд.

Сибирский пушной промысел превратился в коронную монополию, основанную в основном на уплате дани (ясака) коренными народами. Меха привозили либо в Соболиную казну Сибирского приказа, либо в царский Казенный двор в Москве и продавали западным купцам, снабжавшим европейские дворы модными мехами через Архангельск или Новгород (Fisher, 1943; Bakhrushin, 1955b; Dmytryshyn, 1991: 18; Forsyth, 1998: 38–42; Aust, 2000: 42; Reinhard, 2011: 134–137, 2016: 677–681).

Однако ориентация на Восток вскоре была дополнена ориентацией на юг. Имперские амбиции Петра Великого привели Россию к конфликту не только с Западом, но и с соседними державами в Азии, включая еще одну войну с Османской империей из-за Крыма и Азова в 1680–90-х гг., катастрофический Хивинский поход (1717 г.), Персидский поход (1722–1723 гг.) и столкновений с цинским Китаем из-за пограничных вопросов, приведших к Нерчинскому (1689 г.) и Кяхтинскому (1727 г.) договорам. Успехи в русско-турецких войнах продолжались при Екатерине Великой (1762–96), когда в состав империи вошли Крымское ханство и значительная часть Новороссии.

Императрица немецкого происхождения также была первой, кто привез большие отряды крестьян и ремесленников из Западной Европы в качестве поселенцев в Поволжье и Причерноморье. Недолгое правление ее сына Павла I (1796–1801) ознаменовало активизацию боевых действий на Кавказе, особенно в Грузии. Вскоре весь регион превратился в поле ожесточенной битвы, когда Россия распространила свои владения на южные районы, а затем на земли северных горных районов, кульминацией чего стали Черкесская и Мюридская войны 1850–60-х гг. (Allen, Muratoff, [1953] 1999; Henze, 1983; Halbach, [1989] 1994; Mostashari, 2001; Gamme, Kaplan, 2013). В результате «северо-западный Кавказ был очищен практически от всего его коренного населения» только для того, чтобы его заменили русские поселенцы (Geraci, 2008: 348; ср. Comins-Richmond, 2002: 63).

Вступая в эпоху империализма, особенно после разрушительной Крымской войны (1853–1856 гг.), Россия усилила свое участие в Средней Азии, что фактически началось ранее с еще одной неудачной кампании Василия Перовского в 1839 г. против Хивы. Однако теперь совместные усилия России привели к окончательному завоеванию региона в течение десятилетий: Ташкент был взят в 1865 г., Самарканд в 1868 г., Хива в 1873 г. и Мерв в 1884 г. В том же году, когда был завоеван Ташкент, указом Правительствующего Сената в Российском Туркестане была создана

«колониальная система власти», «система внутреннего административно-территориального деления [...], скорректированная с учетом военных потребностей и [...] разделенная на военно-территориальные единицы» (Abdurakhimova, 2002: 240; ср. Carrère d'Encausse, 1999a: 151-153).

Россия установила «механизм исключения» в отношении внутреннего управления и участия местных элит, чтобы сохранить колониальные различия. «Колониальный порядок был построен на исключении коренного населения Туркестана из имперского мейнстрима» (Khalid, 2009: 415), который местная интеллигенция и реформаторы – джаиды – стремились преодолеть¹.

Примечательно, что все эти макрорегионы и некоторые другие не упомянутые страны (такие как Прибалтика) пережили революцию 1917 г., будучи составной частью империи, и стали республиками Советского Союза.

По этой причине Уолтер Коларц использовал термин «колония» как «общий знаменатель для большого числа территорий, которые юридически или фактически имеют особый статус в Советской России [...], аналогичный статусу заморских зависимостей любой другой державы» (Kolarz, 1952: V), в то время как другие предпочитали мыслить категориями «тоталитарного советского империализма», потому что «советские коммунисты силой навязывают свое правление нациям, которые когда-то были покорены царем» (Seton-Watson, [1966] 1973: 115).

ОБСУЖДЕНИЕ

КОГДА И ГДЕ БЫЛ КОЛОНИАЛИЗМ В РОССИИ?

По мере расширения Российской империи увеличивалось и ее этническое и культурное разнообразие, и вопрос о том, как управлять таким большим имперским образованием, стал постоянной заботой властей. Фактически, подчиненные нации и их правительства не находились постоянно под прямым военным контролем, но «переходили в равной очередности под власть гражданских институтов губернской администрации по мере продвижения границы» (Schorkowitz, 2015: 6).

Их самоуправление, сначала широко предоставленное, а затем все более и более ограниченное, претерпело несколько переходов, приведших к «партикуляристским установкам правления» (Khalid, 2007: 117) и к высокой степени развития правовых и культурных форм, наложивших значительный отпечаток и на советскую эпоху. Хотя нет никаких сомнений в том, что «колониализм был присущ царству» (Hildermeier, 2013: 1112), с чем согласятся многие российские историки, следует иметь в виду, что российская экспансия и завоевание, по крайней мере, в Сибири, «не были полностью спланированным и тщательно выполненным предприятием», а скорее «подобно западноевропейским колониальным авантюрам [...] судорожным процессом, движимым множеством давлений и сил» (Dmytryshyn, 1991: 17).

¹Более подробные отчеты о колониальном сотрудничестве с так называемой «местной администрацией», местными старейшинами и вождями, а также изменениях в правовой сфере, особенно мусульманском праве и юрисдикции, см. Pierce (1960), Brower (1997), Martin V. (2001), Абдурахимова (2002) и Crews (2009). Об отношениях и взаимозависимости между российскими военными и академическими исследователями в Центральной и Внутренней Азии см. David Schimpelpenninck van der Oye (2019). *Handmaidens of Continental Colonialism? The Ambiguities of the Imperial Russian Geographical Society's Central Asian Expeditions*. In: Schorkowitz D., Chávez J., Schröder I. (eds.), *Shifting Forms of Continental Colonialism*, 151-73. Palgrave Macmillan, Singapore.

Таким образом, учитывая континентальную экспансию в Сибирь, на Кавказ и Среднюю Азию, вопрос заключается не в том, был ли колониализм в России, а скорее в том, где, когда и как он возник.

Здесь показателен случай с Калмыцким ханством, которое потеряло свою независимость относительно поздно, в 1771 г. Политически вновь модернизированная царем Павлом в 1800 г., калмыцкая администрация сначала была отделена от администрации Астраханской губернии и передана в ведение Коллегии иностранных дел, а затем снова была передана под контроль военного губернатора в 1803 г. в связи с усилением присутствия России в Кавказском регионе. Хотя до марта 1824 г. калмыцкая администрация номинально подчинялась Министерству иностранных дел, а после реформ 1825 г. – Министерству внутренних дел, доминирующая власть оставалась за военными.

Вновь реформированная в 1834 году калмыцкая администрация была передана Министерству внутренних дел, но вся местная администрация по-прежнему контролировалась военным губернатором Астрахани. В результате провинциальной реформы 1837 г. обязанности снова изменились, калмыцкая администрация перешла в ведение Министерства государственных имуществ на шестьдесят пять лет и была снова передана Министерству внутренних дел в 1902 г. (Schorkowitz 2015: 7).

Что касается колониального управления, то здесь наблюдается разительный контраст с западными морскими державами, большинство из которых создали отдельную колониальную администрацию, предшественники которой часто были заняты в сфере ведения войны, торговли или министерства иностранных дел. Так было в случае с Британским министерством по делам колоний (British Colonial Office), Испанским Королевским советом Индии (Real y Supremo Consejo de Indias), Министерством колоний (Ministère des Colonies) или Министерством иностранных дел (Ministère des Outre-mer) во Франции, министерством по делам колоний в Нидерландах (Ministerie van Koloniën), Имперским колониальным управлением Германии (Reichskolonialamt) или японским Министерством колониальных дел (Takumushō) (Stahl, 1951: 35–37; Sunderland, 2010: 127–31; Khodarkovsky, 2018: 14–16). Даже в континентальных империях, таких как Цинский Китай и Соединенные Штаты Америки, были свои колониальные ведомства: Лифаньюань (Lifanyuan, букв. Совет по управлению Внешними регионами), Бюро по делам индейцев (Bureau of Indian Affairs) и Бюро по делам островов (Bureau of Insular Affairs), в то время как в Российской, Габсбургской и Османской империях их не было.

Царское правительство, очевидно, чувствовало уверенность в управлении вновь приобретенными территориями только через свой Азиатский департамент, агентство Министерства иностранных дел, которое стало «де-факто российским колониальным управлением» (Khodarkovsky, 2009: 159), координирующим все вопросы, касающиеся Востока, до 1917 г.

Создание Департамента действительно было естественным результатом зарубежных операций России, начиная с Посольским приказом, который занимался европейскими и азиатскими делами с 1549 г. В результате правительственных реформ царя Петра Посольский приказ был реорганизован в 1718 г. в Коллегию иностранных дел, в которую уже в 1797 г. входил специальный Департамент по азиатским делам

(Rogozhin, 1993; Schorkowitz, 2017: 400-401). Недавно введенные по образцу западноевропейских правительств девять коллегий заменили более или менее устаревшую московскую систему приказов, различные ветви которой, такие как Казанский приказ или Сибирский приказ, ранее отвечали за земли, завоеванные и аннексированные в 16 и 17 вв.

Некоторые из этих приказов были позже просто закрыты, когда необходимость в них отпала, некоторые были интегрированы в Посольский приказ, другие были связаны с провинциальными правительствами или воеводствами, как в случае Приказа калмыцких дел, чьи функции были переданы астраханским воеводам после 1662 года.

Сибирский приказ, который «мог бы считаться Колониальным управлением Сибири» (Lantzeff, 1943: 1), довольно поздно, в 1637 г., принял на себя обязанности от Посольского приказа, Новгородского приказа и Казанского приказа, которые ранее в разное время занимались «сибирскими делами». Хотя эта канцелярия пережила даже реформы царя Петра, «она была окончательно упразднена в 1763 г. реформами Екатерины II» (Lantzeff, 1943: 6), а ее функции перешли к сибирским губернаторам.

Очевидно, что, несмотря на отсутствие надлежащего колониального офиса, империя учредила аналогичные институты для создания «колоний правления» в пределах своих имперских границ. По мере продвижения границы ранее завоеванные территории были аннексированы и сменили органы власти из Министерства иностранных дел или военного министерства, а затем управлялись министерской бюрократией внутренних дел, имперских владений, сельского хозяйства, религии и образования.

В рамках таких специфических механизмов эти недавно сформированные агентства сталкивались с постоянными проблемами в создании «новых собственных компетенций в работе с ‘другими’ культурами и в разработке стратегий для их интеграции» (Schorkowitz, 2017: 401). Юрген Остерхаммель комментирует так: «Не имеет особого значения превращение пограничной зоны в имперское царство, независимо от того, назовете ли вы результат ‘внутренней колонией’ или ‘пограничной территорией’. Однако, поскольку он не подпадал под специальную администрацию [...], многое можно сказать против термина «колония»» (Osterhammel, [2009] 2014: 366, см. Sunderland, 2004: 223). Тем не менее, помимо формалистического характера своих аргументов, Остерхаммель, по-видимому, не знает о многих агентствах, которые точно служили колониальным целям в Российской империи.

Отсутствие «де-юре колониального ведомства» в империи, официальные лица которой предпочитали колонизацию дискурсу о колониализме (см. Bakhrushin, 1955a), вдохновило историков задуматься о подобных учреждениях, которые могли бы приблизиться к функциям колониального министерства. Фактически, такие агентства должны будут заниматься внутренними, а не внешними делами, представляя, таким образом, администрации внутреннего колониализма.

Среди правительственных органов России девятнадцатого века есть довольно хорошие кандидаты, два из которых Уиллард Сандерленд недавно назвал «протоколониальными министерствами» (Sunderland, 2010: 141) – Министерство государственных имуществ (1837–1894) и Переселенческое управление по (1896–1917)

части Министерства внутренних дел. Оба органа занимались управлением государственными землями (включая преобразование и экспроприацию земель коренных народов, их распределение среди государственных крестьян и переселение последних из Европейской в Азиатскую Россию), таким образом, представляя собой типичные учреждения поселенческого колониализма (ср. Fieldhouse, [1965] 1982: 334).

Однако значительная часть этой работы была также реализована через Земский отдел Министерства внутренних дел и Главное управление землеустройства и земледелия, 1905-1915), земельные реформы которых в Сибири были встречены враждебно, например, бурятскими старейшинами и аристократами и вызвали сильное сопротивление (Schorkowitz, 2018: 392).

Тем не менее, существовали и другие учреждения с аналогичными функциями, которые более конкретно занимались колониальными вопросами на периферии империи. Например, Министерство государственных имуществ, которое имело филиал в каждой отдельной губернии, руководило Отделением ордынских народов в Астрахани.

В течение многих десятилетий это же министерство также отвечало за Калмыцкое управление и, в частности, за Комиссию по заселению дорог на калмыцких землях, которая также находилась в Астрахани с представительствами в каждом улусе, где калмыцкая знать играла все меньшую политическую роль.

Министерство внутренних дел руководило не только Переселенческим управлением, но и Департаментом духовных дел иностранных исповеданий; таким же образом курировало отделения Департамента по делам мусульман, евреев, караимов и буддистов (Департамент духовных дел иностранных исповеданий по закону ламайскому), также осуществляющие колониальный контроль над практикующими шаманистами (Schorkowitz, 2001; Murray, 2016).

Кроме того, для управления имперскими делами были созданы многочисленные министерские комитеты, такие как два Сибирских комитета (1821–1838, 1852–1864) или Кавказский комитет (1833–1882). Более серьезно занимаясь “демографической политикой” во второй половине девятнадцатого века, Академия Генерального штаба ввела военную статистику и географию наряду с «этнографией, антропологией и общественным здравоохранением» (Holquist, 2001: 114; ср. Hirsch, 1998) в качестве необходимых предметов для лучшего понимания, классификации и управления многонациональной колониальной периферией.

Но «не было единого организационного места [...] для управления колониальными вопросами или колониальными народами более конкретно» (Sunderland, 2010: 135), возможно, как, кажется, предполагает Дэвид Макдональд, потому, что такое «Министерство азиатской России [...] заменили бы наместничества, которые управляли Кавказом, Средней Азией и большей частью Сибири» (McDonald 2010: 186; ср. Geraci, 2010).

После Февральской революции многие из этих министерских ведомств были преобразованы в органы Временного правительства России, например, в Департамент по делам инославных и иноверных исповеданий Министерства исповеданий. Чтобы сильнее подчинить колонизированные нации центральным органам, принимающим решения, и заручиться поддержкой их элиты в трудные времена, прави-

тельство в сентябре 1917 г. впервые создало Национальный отдел при Министерстве внутренних дел. Однако это было очень быстро заменено значительно модернизированным советским министерством – Народным комиссариатом по делам национальностей, первой попыткой централизации партикуляристского устройства царского правления во внутренних колониальных делах (Schorkowitz, 2017: 402–403).

Остается вопрос: каким же тогда был колониализм в России, какое место он занимает среди других колониальных империй? Мы можем с уверенностью сказать, что он был континентальным по своей природе, несмотря на временное правление Русской Америки (Аляска), проданной Соединенным Штатам в 1867 г., и некоторое недолгое присутствие на Гавайях и в Калифорнии, что не было экономически успешным (Lincoln, 1994: 141–142; Reinhard, 2011: 139–140; Vinkovetsky, 2011).

«В отличие от других колоний России, [Аляска] не граничила с родиной, поэтому то, что там произошло, не имело большого значения» (Gibson, 1991: 112); тем не менее, Берингию можно было считать трансконтинентальным мостом. Учитывая арктический климат Белого моря и османское господство над Черным морем, царская Россия так и не превратилась в морскую империю.

Этот континентальный колониализм, несмотря на кратковременные обязательства, такие как финансирование Строгановыми сибирских казаков или торговля мехом и морскими выдрами Русско-Американской компанией на Аляске, не был продиктован частными интересами. Скорее, именно государство платило за военную экспансию, повышало налоги с колонизированных, устанавливало местную бюрократию, предоставляло дешевых работников горнодобывающей промышленности с помощью системы ссылки (каторга), организовывало переселение крестьян и разрабатывало различные идеологии, чтобы замаскировать и узаконить то, что Майкл Ходарковский справедливо назвал «государственным колониализмом» (Khodarkovsky, 2018: 2; ср. Osterhammel, [2009] 2014: 367).

Тем не менее, по сравнению с другими формами заморского колониализма, государственный колониализм России не был основан ни на торговле, ни на плантационной экономике: «Россия была абсолютной монархией с экономикой, основанной на крепостном земледелии; в то время как Америка была республикой, экономика которой опиралась в основном на свободное земледелие» (Treadgold, 1952: 148).

В то время как Британская империя характеризуется как коммерческая империя с «либеральной, рассредоточенной морской властью», российский аналог уместно описывается как военно-династическая, «автократическая, централизованная сухопутная империя» (Lieven, 2004: 138).

Хотя британское правление в Индии было направлено на извлечение как можно большей прибыли и «местные доходы оплачивали огромную армию, состоящую в основном из местных войск, что сделало Британию мировой державой как на суше, так и на море» (Morrison, 2008: 31), расходы царя в российском Туркестане почти вдвое превышали его доходы от этого региона в период с 1868 по 1910 гг. В отличие от поселенческого колониализма в Северной и Латинской Америке, поощряемого частным капиталом и извлечением прибыли, экономическая эксплуатация России «внутренних колоний» всегда занимала второе место после территориальных, геополитических завоеваний и ожиданий правительства решить «крестьянский вопрос».

Несмотря на беглецов крестьянского, казацкого или старообрядческого происхождения XVII в., аграрные поселенцы появились в Сибири, на Кавказе и в Центральной Азии поздно, что было вызвано непродуманной крестьянской реформой 1861 г., которая «не устранила принципиальное юридическое препятствие для свободы передвижения, поскольку крестьяне все еще были привязаны к сельской общине» (Forsyth, 1998: 191).

Хотя формально они были освобождены от крепостного права Указом, объявленным Александром II в 1861 г., их фактическое освобождение было неразрывно связано с предоставлением им достаточного количества земли преимущественно в Сибири и на юге России, и эта политика стала бременем для каждого министра сельского хозяйства и внутренних дел, особенно для председателя Совета министров Петра Столыпина (1906–1911), с 1880-х гг. до Октябрьской революции и после (Treadgold, 1952: 149-151; Sunderland, 2000: 210, 2019: 437–462; Reinhard, 2016: 686–690).

Более того, добавим еще одно существенное отличие: морскими империями сложнее управлять, потому что они расположены за границей и постоянно отделены от метрополий. Хотя войска и товары могут быть доставлены морем быстрее и проще, «внутренние коммуникации морской империи гораздо более подвержены запрету, чем это имеет место в случае консолидированной сухопутной империи» (Lieven, 2004: 139). Вот почему они обычно разворачиваются как «эксплуатационные колонии» с коммерческими опорными пунктами или как колонии поселенцев и в конечном итоге превращаются в «колонии господства».

Российская империя возникла в результате «континентальной экспансии царской мощи, которая, покоряя нерусское население, составляла отношения колониальной власти особого рода» (Гейер, [1977] 1987: 14).

Царская Россия, подобно цинскому Китаю и Османской Турции, начала с континентальной экспансии по «движущейся границе», которая привела к появлению «колоний правления» на периферии. Хотя государственное вмешательство было косвенным и вначале ощущалось в меньшей степени, что позволяло использовать различные формы самоуправления (например, степные думы в Восточной Сибири), со временем контроль усилился с тенденцией к прямому правлению на более позднем этапе (например, Администрация Башкирского кантона, Калмыцкая администрация). В то время как Россия трансформировала свои «недавно приобретенные границы постепенно во внутренние колонии» (Schorkowitz, 2017: 419), переход от косвенного к прямому правлению в конечном итоге привел к более жестким формам централизации, интеграции и доминантности.

ДИСКУРСЫ ПО КОЛОНИАЛИЗМУ И КОЛОНИЗАЦИИ

Дискурс о России как о колониальной империи всегда был противоречивым, как и связанные с этим коннотации относительно континентального или внутреннего колониализма России по сей день. Хотя даже российские историки XIX века признавали эксплуатацию нерусских народов, ее колониальный характер либо сильно оспаривался, либо просто игнорировался. Таким образом, чтобы эвфемизировать колониальные эксцессы, советская историография разработала язык, заменяющий «такие термины, как покорение (подчинение) или завоевание (завоевание) [...]»

используя более нейтральную лексику, такую как присоединение (аннексия) или освоение (ассимиляция)» (Collins, 1991: 37; ср. Khalid, 2009: 416), или «так называемое добровольное вхождение», что буквально переводится как «добровольное присоединение к Российской империи» (Schorkowitz, 2012: 47).

Как это ни парадоксально, но политики и интеллигенция в равной степени «утверждали, что экспансия России позволила избежать насилия, связанного с европейскими империями, и что Российская империя принципиально благосклонна к своим имперским нехристианским подданным», при этом скрывая, что миллионы «коренных жителей были убиты российским оружием и изгнаны в результате российской политики по мере расширения империи» (Ходарковский, 2018: 6). Другими словами, «Россия противопоставляла себя западным империям и отрицала свой собственный колониальный характер» (там же), тем самым, по сути, отрицая также любые колониальные институты у себя дома.

Тем не менее, официальная версия экспансии России и ее экспедиций в Азию оставалась полна имперской гордости с тех пор, как министр иностранных дел Александр Горчаков в 1864 году направил европейским державам свой знаменитый Меморандум, узаконивший продвижение генерала Михаила Черняева в Чимкент и Ташкент, «сравнивая поведение России в Центральной Азии с поведением «всех других цивилизованных государств», которые оказались в контакте с дикими кочевыми народами» (Гейер, [1977] 1987: 89).

Министерская депеша завершилась заявлением о том, что «подобно Соединенным Штатам в Америке, Франции в Африке, Голландии в ее колониях и Англии в Восточной Индии», Россию теперь увлекают «не столько из амбиций, сколько по абсолютной необходимости» по пути, «на котором чрезвычайно трудно просто стоять на ногах» (там же; ср. Sahni, 1997: 83). Такие сравнения не были чем-то новым для русской интеллигенции по сравнению с достижениями западноевропейского колониализма, а скорее довольно обычным явлением, когда речь идет, например, о Сибири, изображаемой как «наше Перу», «наша Мексика», «русская Бразилия» или даже «наша маленькая Индия» (Bassin, 2006: 48).

Очевидная потребность в легитимации имперской экспансии в сочетании с попыткой догнать западную цивилизацию и экономику превратилась в особую российскую форму «ориентализма» (Sahni, 1997; Bassin, 2006: 49; ср. Schimmelpenninck van der Oye, 2010: 4–11).

Писатель-консерватор Федор Достоевский лучше всего выразил это в 1881 году: «В Европе мы были прихлебателями и рабами, а в Азии мы будем хозяевами. В Европе мы были татарами, а в Азии – европейцами. Наша миссия, наша цивилизационная миссия в Азии будет поддерживать наш дух и вдохновлять нас» (Dostoevsky, [1994] 2000: 1374; ср. Sahni, 1997: 71–86; Bassin, 2006: 54–55; Geraci, 2008: 360–361; Хофмайстер, 2011).

Безусловно, это не было крайней позицией среди славянофильских настроений во время русоцентрического правления Александра III. На самом деле, изречение о том, что «история России – это история страны, которая колонизируется» (Kliuchevskii, [1956] 1987: 50), было общим местом на рубеже веков даже среди либералов. Например, Василий Ключевский, историк со значительным интересом

к средневековой истории, последовал за своим учителем Сергеем Соловьевым в восприятии России как ‘пограничного общества’ (ср. Treadgold, 1952: 149; Breyfogle et.al., 2007: 1-2).

Безусловно, это не была крайняя позиция среди славянофильских настроений во время русоцентристского правления Александра III. Фактически, утверждение, что «история России – это история страны, которая сама себя колонизирует» (колонизируется), было обычным делом на рубеже веков даже среди либералов. Например, Василий Ключевский (Kliuchevskii [1956] 1987: 50), историк, проявлявший значительный интерес к средневековой истории, последовал за своим учителем Сергеем Соловьевым в восприятии России как “пограничного общества” (ср. Treadgold, 1952: 149; Breyfogle et al., 2007: 1-2).

Однако остается открытым вопрос, можно ли рассматривать экспансию раннего нового времени в то, что позже стало Азиатской Россией, просто как прямое продолжение ранней колонизации Европейской России, предпринятой великими князьями Московии или Новгорода. Мартин Ауст точно определил разницу между двумя историческими процессами с помощью формулы «“aedificatio terrae” против колониализма» (Aust, 2000: 40).

Он убедительно утверждает, что средневековый “Ландесаусбау” был обще-европейским процессом заселения, организованным феодалами и королями, в то время как завоевание Ермаком Сибирского ханства Кучума не сопровождалось централизованным планированием, не улучшило сельское хозяйство в сотрудничестве с экономикой коренных народов, но вместо этого продемонстрировало «в основном все черты европейской колониальной экспансии» (Aust, 2000: 42).

На самом деле колонизация может происходить как внутри национальных границ, так и за их пределами. Что касается России, то колонизация – это довольно новое явление, начавшееся в конце девятнадцатого века и осуществлявшееся социалистическим планированием в советское время. Это последовало за завоеванием, аннексией и проникновением в доселе чужие земли и «другие» культуры, которые со временем превратились в неотъемлемые части империи.

Заемствование понятия «внутренняя колонизация» из немецкого (Innere Kolonisation), используемого для программ расселения в Восточной Пруссии поздней Германской империей, как это предложил Александр Эткинд (Etkind, 2011: 2015), кажется ошибочным, вводящим в заблуждение, учитывая колонизацию внутренних колонизированных земель в Азиатской России. Фактически, история России и Советского Союза – это также история насильственной цивилизации, «культурного подчинения, не подразумеваемого колонизацией» (Baberowski, 1999: 482; ср. Khalid, 2009: 422–29).

Попытки скорректировать понятие ‘внутренняя колонизация’ (‘самоколонизация’) путем перевода на метафорический уровень, применяемый “к колонизирующему я”, следуя идеям Фуко о «биовласти» и механизмах «(само-) дисциплины и наказания», на мой взгляд, не решают должным образом связанные с этим герменевтические проблемы и диалектику «колонизатора и колонизированного» (Fournier, 2012: 521-522; ср. Etkind, 2001, но см. Baberowski, 1999: 484). И когда мы говорим о российских дворянах и их крестьянах, зависимых в правовом, экономическом, культурном и многих других отношениях, почему бы не сохранить

проверенные временем представления о классовой структуре и классовой зависимости. То же самое, кстати, справедливо и для более поздних советских – не только сталинских – зависимостей, когда городская элита исполняла декреты центральной партии против воли и блага народа (крестьянства) и когда «государственная власть принадлежала одной части общества (Центра управления) [использовалась] для навязывания неблагоприятных обменных курсов другой части того же общества» (Gouldner, 1977: 13; ср. Hind, 1984: 545-546). Другими словами, “внутреннюю колонизацию”, представляющую «культурную интерпретацию имперской истории» (Masoero, 2013: 61), не следует путать с «внутренним колониализмом», который в случае России и Советского Союза описывает колониальное положение неславянских, неевропейских групп в пределах империи. Безусловно, существуют эквиваленты «внутреннего колониализма» в отношении тех земель, которые стали частью Германской империи после трех разделов Польши.

Однако, хотя российских публикаций об усилиях и целях колонизации в различных частях империи было много, литература о России как колониальной империи оставалась исключением, составленным либо сибирскими областниками и их последователями (Iadrintsev, 1892; Panov, 1905; Potanin, 1907), либо связанным с колониальным опытом некоторых высокопоставленных российских генералов в Центральной Азии (например, Константин фон Кауфман, Алексей Куропаткин), столкнувшихся с британским империализмом в соседнем Афганистане и Тибете. Альберто Масоэро недавно вновь обратил наше внимание на растущую литературу о переселении и колонизации в начале двадцатого века с «авторитетной полуофициальной публикацией», в которой говорится, что «земли Азиатской России являются неделимой и неотделимой частью нашего государства и в то же время нашей единственной колонией» (Masoero, 2013: 59), тем самым подтверждая существование внутренних колоний в пределах империи. Официально, однако, было невозможно и даже рискованно называть Кавказ, Сибирь, Центральную Азию или другие части империи “русской колонией”, поскольку «неоднородная сложность имперского общества сопровождалась почти навязчивой заботой о территориальной целостности и централизации власти» (Masoero, 2013: 68). Характеристика России как империи внутренних колоний всегда бросала бы вызов культурной, гегемонистской и наднациональной конструкции «единой и неделимой России», одному из основных принципов управления и «национальной» идентичности в поздней имперской России (Frank S., 2003: 1659-1660) и, опять же, сегодня (Zorin, 2013; Schorkowitz, 2015: 10).

Только после Октябрьской революции и в идеологических целях более открыто заговорили о колониализме, чтобы критиковать и осуждать старый режим (Weinerman, 1993: 430-431). Царский колониализм тогда воспринимался как результат меркантилизма и господства торгового капитала, которые, по словам Михаила Покровского (ученика Ключевского), привели к «прямому грабежу», как и везде в мире (Драбкина, [1930] 2014: 5). Однако, в отличие от западных колониальных держав, Россия была многонациональной империей, в которой «большинство завоеванных ею наций представляли собой объект колониальной эксплуатации [...] с такой непосредственной близостью между колониями и метрополиями» (Драбкина, [1930] 2014: 6; ср. Fieldhouse, [1965] 1982: 334), что иногда было трудно провести границу. Помимо крепостного права, господствовавшего в Европейской России,

империя опиралась на свою азиатскую периферию, которая подвергалась колониальной эксплуатации, осуществлявшейся и поддерживаемой российским капиталом, военными и бюрократией, а также местными феодальными элитами.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Поскольку экономике отводилась главная роль в отношениях между колонизатором и колонизированными, крестьянский вопрос (переселение) и аграрное развитие (колонизация) доминировали в колониальном дискурсе в 1920-1930-х гг. Несмотря на идеологическую подоплеку и редуccionистскую форму (Demin, 2010: 86), объемы томов и журнальных статей, в которых подробно излагались и применялись марксистско-ленинские интерпретации царского колониализма в различных регионах империи, например в Сибири (Okun, 1935; Al'kor, 1936) и Закавказье (Petrushevskii, 1936), росли как грибы.

Обвинив царское правительство в поддержке «разграбления калмыцкой земли» помещиками, крестьянами и кулаками на юге России, Григорий Минкин подал жалобу в центральный орган «Историк-марксист» (первоначально редактируемом Покровским): «Калмыкия накануне империалистической войны [Первая Мировая Война. – Д.Ш.] была одной из тех колоний России, где русский военно-феодальный империализм господствовал безраздельно» (Minkin, [1933] 1968: 30, 35). Однако такая открытая критика была возможна только до конца 1930-х гг., когда по понятным причинам марксистская историография была быстро заменена патриотической историей, догматом дружбы народов и культом личности «великого вождя» Сталина (Tillett, 1969; Weinerman, 1993: 431–433): «Поскольку борьба за национальное выживание против Германии раздувала русский национализм, многие российские историки сочли просто неприемлемым осуждение русского колониализма» (Weinerman, 1993: 435). Однако некоторые черты более старой марксистской традиции сохранились и после XX съезда партии (1956 г.), вновь проявились во время и после кратковременной хрущевской оттепели (см. Gerasimova, 1957; Burchinova, 1968; Kamalov и др., 1971).

References

- Abdurakhimova, Nadira A. (2002). The Colonial System of Power in Turkestan. *International Journal of Middle East Studies*. 34(2), 239–262.
- Al'kor, Ian, Grekov, B. eds. (1936). *Kolonial'naia politika Moskovskogo gosudarstva v Iakutii XVII v.: sbornik dokumentov* [Colonial Policy of the Muscovite State in Seventeenth-Century Yakutia: Collection of Documents]. Leningrad: Izdatel'stvo instituta narodov severa TsIK SSSR (in Russian).
- Allen, William Edward David, Muratoff, Paul P. ([1953] 1999). *Caucasian Battlefields: A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border, 1828–1921*. Nashville, TN: The Battery Press.
- Aust, Martin (2000). *Rossia Siberica: Russisch-sibirische Geschichte im Vergleich zu mittelalterlichem Landesausbau und neuzeitlichem Kolonialismus. Zeitschrift Für Weltgeschichte*, 1, 39–63.
- Baberowski, Jörg (1998). Stalinismus als imperiales Phänomen: die islamischen Regionen der Sowjetunion 1920–1941. *Stalinismus: Neue Forschungen und Konzepte*, edited by Stefan Plaggenborg, 113–150. Berlin: A. Spitz.

Baberowski, Jörg (1999). Auf der Suche nach Eindeutigkeit: Kolonialismus und zivilisatorische Mission im Zarenreich und in der Sowjetunion. *Jahrbücher Für Geschichte Osteuropas*, 47(4), 482–504.

Bakhrushin, S. V. (1955a). Ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri v XVI i XVII vv. [Essays on the History of Siberia's Colonization in the 16th and 17th Centuries]. *Nauchnye trudy, tom 3: Izbrannye raboty po istorii Sibiri XVI–XVII vv.; chast' pervaya: voprosy russkoi kolonizatsii Sibiri v XVI–XVII vv.*, edited by Aleksandr Aleksandrovich Zimin, Nikolai Vladimirovich Ustiugov, Lev Vladimirovich Cherepnin, and Viktor Ivanovich Shunkov. Moscow: Akademiia Nauk SSSR, 13–160 (in Russian).

Bakhrushin, S. V. (1955b). "Pokruta na sobolinykh promyslakh XVII v" [Facilities for Seventeenth Century Sable Hunting Trade]. *Nauchnye trudy, tom 3: Izbrannye raboty po istorii Sibiri XVI–XVII vv.; chast' vtoraya: istoriia narodov Sibiri v XVI –XVII vv.*, edited by Aleksandr Aleksandrovich Zimin, Nikolai Vladimirovich Ustiugov, Lev Vladimirovich Cherepnin, and Viktor Ivanovich Shunkov. Moscow: Akademiia Nauk SSSR, 198–211 (in Russian).

Bassin, Mark (2006). Geographies of Imperial Identity. *The Cambridge History of Russia, vol. 2: Imperial Russia, 1689–1917* / edited by Dominic Lieven. Cambridge: Cambridge University Press, 45–63.

Breyfogle, Nicholas B., Schrader, Abby, Sunderland, Willard (2007). Russian Colonizations: An Introduction. *Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History* / edited by Nicholas B. Breyfogle, Abby Schrader, and Willard Sunderland. London: Routledge, 1–18.

Brower, Daniel R. (1997). Islam and Ethnicity: Russian Colonial Policy in Turkestan. *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917* / edited by Daniel R. Brower and Edward J. Lazzerini. Bloomington: Indiana University Press, 115–137.

Burchinova, L. S. (1968). Kolonial'naia politika tsarizma v Kalmykii v russkoi istoriografii [Colonial Policy of Czarism in Kalmykia in Russian Historiography]. *Vestnik Kalmytskogo Nauchno-Issledovatel'skogo Instituta Iazyka, Literatury i Istorii*, 3, 5–25 (in Russian).

Carrère d'Encausse, Hélène (1999a). Organizing and Colonizing the Conquered Territories. *Central Asia, 130 Years of Russian Dominance: A Historical Overview* / edited by Edward Allworth. Durham: Duke University Press, 151–171.

Collins, David N. (1991). Subjugation and Settlement in Seventeenth and Eighteenth Century Siberia. *The History of Siberia: From Russian Conquest to Revolution* / edited by Alan Wood. London: Routledge, 37–56.

Comins-Richmond, Walter (2002). The Karachay Struggle After the Deportation. *Journal of Muslim Minority Affairs*, 22(1): 63–79.

Crews, Robert D. (2009). An Empire for the Faithful: A Colony for the Dispossessed. *Le Turkestan russe. Une colonie comme les autres?* / edited by Sergey Abashin and Svetlana Gorshenina. Paris: IFEAC-Complexe, 79–106.

Demin, M.A. (2010). Kolonizatsiia i khoziaistvennoe osvoenie Sibiri v XVII v. v rannei Sovetskoi istoriografii [Colonization and Economic Opening of Seventeenth Century Siberia in Early Soviet Historiography]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1(9), 86–91 (in Russian).

Dmytryshyn, Basil (1991). The Administrative Apparatus of the Russian Colony in Siberia and Northern Asia, 1581–1700. In *The History of Siberia: From Russian Conquest to Revolution*, edited by Alan Wood, 17–36. London: Routledge.

Dostoevsky, Fyodor ([1994] 2000). *A Writer's Diary: Volume Two, 1877–1881*. Translated and Annotated by Kenneth Lantz. Evanston, IL: Northwestern University Press.

Drabkina, E. Ia. ([1930] 2014). *Natsional'nyi i kolonial'nyi vopros v tsarskoi Rossii* [The National and Colonial Question in Tsarist Russia]. Moscow: Lenand (in Russian).

Etkind, Alexander (2001). *Fuko i tezis vnutrennei kolonizatsii: postkolonial'nyi vzgliad na sovetskoe proshloe* [Foucault and the Thesis of Internal Colonization: A Postcolonial Perspective on the Soviet Past]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 49, 50–73 (in Russian).

Fieldhouse, David K. [1965] 1982. *The Colonial Empires: A Comparative Survey from the Eighteenth Century*. London: Macmillan.

Fisher, Raymond H. 1943. *The Russian Fur Trade, 1550–1700*. Berkeley: University of California Press.

Forsyth, James. 1998. *A History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581–1990*. Cambridge: Cambridge University Press.

Fournier, Anna (2012). Reflective Colonization: Domination, Consent, and the Self in Imperial Russia. *Russian History*, 39(4): 519–537.

Frank, Allen (1994). *The Siberian Chronicles and the Taybughid Biys of Sibir'*. Bloomington: Research Institute for Inner Asian Studies.

Frank, Susi K. (2003). 'Innere Kolonisation' und frontier-Mythos: Räumliche Deutungskonzepte in Rußland und den USA. *Osteuropa*, 53(11): 1658–1675.

Geraci, Robert (2008). Genocidal Impulses and Fantasies in Imperial Russia. *Empire, Colony, Genocide: Conquest, Occupation, Subaltern Resistance in World History* / edited by A. Dirk Moses. New York: Berghahn, 343–71.

Geraci, Robert (2010). On 'Colonial' Forms and Functions. *Slavic Review*. 69(1): 180–184.

Gerasimova, Kseniia Maksimovna (1957). *Lamaizm i natsional'no-kolonial'naia politika tsarizma v Zabaikal'e v XIX i nachale XX vekov* [Lamaism and the National-Colonial Policy of Czarism in Transbaikalia in the 19th and beginning of the 20th Century]. Ulan-Ude: Buriat-Mongol'skii nauchno-issledovatel'skii institut kul'tury (in Russian).

Gibson, James R. (1991). Tsarist Russia in Colonial America: Critical Constraints. *The History of Siberia: From Russian Conquest to Revolution*, edited by Alan Wood. London: Routledge, 92–116.

Gouldner, Alvin W. (1977). Stalinism: A Study of Internal Colonialism. *Telos: Critical Theory of the Contemporary*, 34, 5–48.

Halbach, Uwe ([1989] 1994). 'Holy War' Against Czarism: The Links Between Sufism and Jihad in the Nineteenth-Century Anticolonial Resistance Against Russia. *Muslim Communities Reemerge: Historical Perspectives on Nationality, Politics, and Opposition in the Former Soviet Union and Yugoslavia*, edited by Edward Allworth. Durham: Duke University Press, 251–276.

Henze, Paul B. (1983). Fire and Sword in the Caucasus: The 19th Century Resistance of the North Caucasian Mountaineers. *Central Asian Survey*, 2(1): 5–44.

Hildermeier, Manfred. 2013. *Geschichte Russlands: Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution*. München: Beck.

Hind, Robert J. (1984). The Internal Colonial Concept. *Comparative Studies in Society and History*, 26(3): 543–568.

Hirsch, Francine (1998). *Empire of Nations: Colonial Technologies and the Making of the Soviet Union, 1917–1939*. PhD diss., Princeton University.

Holquist, Peter (2001). To Count, to Extract, and to Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia. *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin*, edited by Ronald Grigor Suny and Terry Martin. Oxford: Oxford University Press, 111–144.

Iadrintsev, Nikolai Mikhailovich (1892). *Sibir' kak koloniia v geograficheskom, etno- graficheskom i istoricheskom otnoshenii* [Siberia as a Colony in Geographical, Ethnographical, and Historical Respect]. Sankt Petersburg: Sibiriakov (in Russian).

Kamalov, Sabir Kamalovich, Zh. Ubbiniiazov, and R.K. Kosbergenov, eds. (1971). *Bor'ba trudiashchikhsia Karakalpakii protiv sotsial'nogo i kolonial'nogo gnet (1873-fevral' 1917 g.)* [The Struggle of Karakalpakstan Workers Against the Social and Colonial Yoke (1873–February 1917)]. Tashkent: Fan (in Russian).

Khalid, Adeeb (2007). The Soviet Union as an Imperial Formation: A View from Central Asia. *Imperial Formations*, edited by Ann Laura Stoler, Carole McGranahan, and Peter C. Perdue, 113–39. Santa Fe: School for Advanced Research Press.

Khalid, Adeeb (2009). Culture and Power in Colonial Turkestan. *Cahiers D'Asie Centrale*, 17–18: 413–47.

Khodarkovsky, Michael (2002). *Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. Bloomington: Indiana University Press.

Khodarkovsky, Michael (2009). The Return of Lieutenant Atarshchikov: Empire and Identity in Asiatic Russia. *Ab Imperio*, 1: 149–64.

Khodarkovsky, Michael (2018). Between Europe and Asia: Russia's State Colonialism in Comparative Perspective, 1550s–1900s. *Canadian-American Slavic Studies*, 52(1): 1–29.

Kivelson, Valerie (2007). Claiming Siberia: Colonial Possession and Property Holding in the Seventeenth and Early Eighteenth Centuries. *Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History*, edited by Nicholas B. Breyfogle, Abby Schrader, and Willard Sunderland, 21–40. London: Routledge.

Kliuchevskii, Vasilii Osipovich ([1956] 1987). *Sochineniia v deviaty tomakh: Kurs russkoi istorii, tom I, chast' I* [Writings in Nine Volumes: A Course of Russian History, Volume I, Part I]. Moscow: Mysl' (in Russian).

Kolarz, Walter (1952). *Russia and Her Colonies*. London: George Philip & Son Ltd.

Lantzeff, George V. (1943). *Siberia in the Seventeenth Century: A Study of the Colonial Administration*. Berkeley: University of California Press.

Lieven, Dominic (2004). Empire on Europe's Periphery: Russian and Western Comparisons. *Imperial Rule*, edited by Alexei Miller and Alfred J. Rieber, 133–149. Budapest: Central European University Press.

Lincoln, William Bruce (1994). *The Conquest of a Continent: Siberia and the Russians*. London: Cape.

Martin, Janet (1986). *Treasure of the Land of Darkness: The Fur Trade and Its Significance for Medieval Russia*. Cambridge: Cambridge University Press.

Martin, Janet (1995). *Medieval Russia, 980–1584*. Cambridge: Cambridge University Press.

Martin, Virginia (2001). *Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century*. Richmond: Curzon Press.

Masoero, Alberto (2013). Territorial Colonization in Late Imperial Russia: Stages in the Development of a Concept. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 14(1): 59–91.

McDonald, David MacLaren. 2010. Russian Statecraft After the 'Imperial Turn': The Urge to Colonize? *Slavic Review*, 69(1): 185–188.

Minkin, Grigorii Zakharovich ([1933] 1968). Kolonial'naia politika tsarizma v Kalmykii vo vtoroi polovine XIX i nachale XX vv. [Colonial Policy of Czarism in Kalmykia in the Second Half of the 19th and beginning of the 20th Centuries]. *Ob obshchestvennom stroe Kalmykii i kolonial'noi politike tsarizma*, edited by A.I. Naberukhin, 30–57. Elista: Kalmytskii Nauchno-Issledovatel'skij Institut Iazyka, Literatury i Istorii (in Russian).

Morrison, Alexander Stephen (2008). *Russian Rule in Samarkand 1868–1910: A Comparison with British India*. Oxford: Oxford University Press.

Mostashari, Firouzeh (2001). Colonial Dilemmas: Russian Policies in the Muslim Caucasus. *Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia*, edited by Robert P. Geraci and Michael Khodarkovsky, 229–249. Ithaca: Cornell University Press.

Murray, Jesse D. (2016). ‘Not Far from the Kingdom of God’: Shamanism and Colonial Control in Russia’s Eastern Borderlands, 1853–1917. *Journal of World History*, 27(3): 535–563.

Okun, Semen Bentsianovich (1935). *Ocherki po istorii kolonial’noi politiki tsarizma v Kamchatskom krae* [Essays on the History of Colonial Policy of Czarism in Kamchatka Land]. Leningrad: Sotsekgiz (in Russian).

Osterhammel, Jürgen ([2009] 2014). *The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century*. Translated by Patrick Camiller. Princeton: Princeton University Press.

Panov, Aleksandr Alekseevich (1905). *Sakhalin kak koloniia: ocherki kolonizatsii i sovremennogo polozheniia Sakhalina* [Sakhalin as Colony: Essays of Colonization and the Contemporary Situation of Sakhalin]. Moscow: I.D. Sytin (in Russian).

Petrushevskii, Il’ia Pavlovich (1936). *Kolonial’naia politika rossiiskogo tsarizma v Azerbaidzhane v 20-60-kh gg. XIX v.* [Colonial Policy of Russian Czarism in Azerbaijan in the 1920s to 60s]. Moscow: Akademiia Nauk SSSR (in Russian).

Pierce, Richard A. (1960). *Russian Central Asia, 1867–1917: A Study in Colonial Rule*. Berkeley: California University Press.

Potantin, Grigorii Nikolaevich (1907). *Oblastnicheskaia tendentsiia v Sibiri* [Oblastnik Tendencies in Siberia]. Tomsk: Parovaia tipo-litografiia Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela (in Russian).

Reinhard, Wolfgang (2011). *A Short History of Colonialism*. Manchester: Manchester University Press.

Reinhard, Wolfgang (2016). *Die Unterwerfung der Welt: Globalgeschichte der europäischen Expansion 1415–2015*. München: C.H. Beck.

Rogozhin, Nikolai M. (1993). Posolski Books as a Source in the Study of Political Relations of Russia with Peoples and Countries of the Orient. *Altaica Berolinensia: The Concept of Sovereignty in the Altaic World: Permanent International Altaistic Conference, 34th Meeting, Berlin, 21–26 July 1991*, edited by Barbara Kellner-Heinkele, 191–208. Wiesbaden: Harrassowitz.

Sahni, Kalpana (1997). *Crucifying the Orient: Russian Orientalism and the Colonization of Caucasus and Central Asia*. Oslo: White Orchid Press.

Schimmelpenninck van der Oye, David (2010). *Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration*. New Haven: Yale University Press.

Schimmelpenninck, David van der Oye (2019). Handmaidens of Continental Colonialism? The Ambiguities of the Imperial Russian Geographical Society’s Central Asian Expeditions. *Shifting Forms of Continental Colonialism: Unfinished Struggles and Tensions*, edited by Dittmar Schorkowitz, John Chávez, and Ingo Schröder, 151–173. Singapore: Palgrave Macmillan.

Schorkowitz, Dittmar (2001). The Orthodox Church, Lamaism and Shamanism among the Buriats and Kalmyks, 1825–1925. *Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia*, edited by Robert Geraci and Michael Khodarkovsky, 201–225. Ithaca: Cornell University Press.

Schorkowitz, Dittmar (2010). Geschichte, Identität und Gewalt im Kontext postsozialistischer Nationsbildung. *Zeitschrift Für Ethnologie*, 135: 99–160.

Schorkowitz, Dittmar (2012). Historical Anthropology in Eurasia ‘... and the Way Thither’. *History and Anthropology*, 23(1): 37–62.

Schorkowitz, Dittmar (2015). *Imperial Formations and Ethnic Diversity: Institutions, Practices, and Longue Durée Illustrated by the Example of Russia*. (Max Planck Institute for Social Anthropology Working Paper 165). Halle/Saale: Max Planck Institute for Social Anthropology.

Schorkowitz, Dittmar (2017). Dealing with Nationalities in Imperial Formations: How Russian and Chinese Agencies Managed Ethnic Diversity in the 17th to 20th Centuries. *Managing Frontiers in Qing China: The Lifanyuan and Libu Revisited*, edited by Dittmar Schorkowitz and Chia Ning, 389–434. Leiden: Brill.

Schorkowitz, Dittmar (2018). ‘... *Dafi die Inorodcy niemand rettet und das Heil bei ihnen selbst liegt ...*’: *Quellen und Beiträge zur historischen Ethnologie von Burjaten und Kalmücken*. Wiesbaden: Harrassowitz.

Seton-Watson, Hugh ([1966] 1973). Moscow’s Imperialism. *Crisis and Continuity in World Politics: Readings in International Relations*, edited by George A. Lanyi and Wilson C. McWilliams, 114–117. New York: Random House.

Stahl, Kathleen Mary (1951). *British and Soviet Colonial Systems*. London: Faber and Faber Limited.

Sunderland, Willard (2000). The ‘Colonization Question’: Visions of Colonization in Late Imperial Russia. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 48(2): 210–232.

Sunderland, Willard (2004). *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaca: Cornell University Press.

Sunderland, Willard (2010). The Ministry of Asiatic Russia: The Colonial Office That Never Was but Might Have Been. *Slavic Review*, 69(1): 120–150.

Sunderland, Willard (2019). The Imperial Emancipations: Ending Non-Russian Serfdoms in Nineteenth-Century Russia. *Shifting Forms of Continental Colonialism: Unfinished Struggles and Tensions*, edited by Dittmar Schorkowitz, John Chávez, and Ingo Schröder, 437–462. Singapore: Palgrave Macmillan.

Tillett, Lowell (1969). *The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities*. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press.

Treadgold, Donald W. (1952). Russian Expansion in the Light of Turner’s Study of the American Frontier. *Agricultural History*, 26(4): 147–152.

Vinkovetsky, Ilya (2011). *Russian America: An Overseas Colony of a Continental Empire, 1804–1867*. Oxford: Oxford University Press.

Weinerman, Eli (1993). The Polemics Between Moscow and Central Asians on the Decline of Central Asia and Tsarist Russia’s Role in the History of the Region. *The Slavonic and East European Review*, 71(3): 428–81.

Zorin, Vladimir Iur’evich (2013). Strategii gosudarstvennoi natsional’noi politiki: Traditsionnost’ i novye podkhody k ukrepleniiu edinstva mnogonatsional’nogo naroda Rossii (Rossiiskoi natsii)” [The Strategy of Governmental National Policy: Traditionalism and New Approaches for Consolidating the Unity of Russia’s Multinational People (Russian Nation)]. *X Kongress étnografov i antropologov Rossii: Tezisy dokladov. Moskva, 2–5 iul’ia 2013 g.*, edited by Marina Iur’evna Martynova, Natalina A. Lopulenko, and N.A. Belova, VII–XII. Moscow: IEA RAN (in Russian).

Продолжение см. в след. номере